

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Иван Сученко и Белый Полянин

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки. На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печёный, возле него лук толчёный; и шли три мо́лодца, зашли да позавтракали, а дальше идут – похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская баба теста! Это присказка, сказка будет впереди.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь на гладком месте, словно на скатерти, сроду не имел у себя детей. Пришёл до него нищий. Царь его пытается:

– Не знаешь ли ты, что́ мне такое сделать, чтоб были у меня дети?

Он ему отвечает:

– Собери-ка ты мальчиков да девочек – семилеток, чтоб девочки напрядли, а мальчики выплели за одну ночь невод; тем неводом вели изловить в море леща златопёрого и дай его царице съесть.

□Вот поймали леща златопёрого, отдали в кухню изжарить; поварка^[1] вычистила, вымыла леща, кишки собаке бросила, помои отдала трём кобылам выпить, сама оглодала косточки, а рыбу царица скушала. Вот разом родили: царица сына, и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь дал им всем имена: Царенко Иван, Поваренко Иван и Сученко Иван.

□Растут они, добрые молодцы, не по дням, не по часам, а по минутам, выросли большие, и посылает Иван Сученко Ивана-царевича до царя:

– Поди попроси, чтоб позволил нам царь оседлать тех трёх коней, что кобыли принесли, да поехать по городу погулять-покататься.

Царь позволил; они поседлали коней, выехали за город и начали меж собой говорить:

– Чем нам у батюшки у царя жить, лучше в чужие земли поедем!

Вот они взяли купили железа, сделали себе по булаве – каждая булава в девять пудов, и погнали коней.

□ Немного погода говорит Иван Сученко:

– Как нам, братцы, будет путь держать, когда нет у нас ни старшего, ни младшего? Надо так сделать, чтоб был у нас старший брат.

Царенко говорит, что меня отец старшим поставил, а Сученко – своё, что надо силу попробовать – по стрелке бросить. Кидают стрелки один за другим; сначала Царенко Иван, за Царенком Поваренко, за Поваренком Сученко. Едут не далеко, не близко – аж лежит Царенкова стрелка, немного подальше того упала Поваренкова стрелка, а Сученковой нигде не видать! Едут всё вперёд да вперёд – и заехали за тридевять земель в тридесятое царство, в иное государство – аж там лежит Сученкова стрелка.

□ Тут и порешили: Царенко будет меньшой брат, Поваренко – подстарший, а Сученко – самый наистарший, и пустились опять в путь-дорогу. Смотрят – перед ними степь расстилается, на той степи палатка разбита, у палатки конь стоит, ярую пшеницу ест, медовой сытой запивает. Посылает Иван Сученко Ивана-царевича:

– Пойди узнай: кто в палатке?

Вот Царенко приходит в палатку, а там на кровати Белый Полянин лежит. И ударил его Белый Полянин мизинцем по´лбу – Царенко упал; он взял его да под кровать и бросил. Посылает Сученко Ивана Поваренка; Белый Полянин и этого ударил мизинцем по´лбу и бросил под кровать. Сученко ждал, ждал, не дождался;

прибегает туда сам, как ударит Белого Полянина раз – он и глаза под лоб! После вынес его из палатки, свежий ветерок пахнул, Белый Полянин ожил и просит:

– Не убивай меня! Прими за самого меньшого брата!

Иван Сученко его помиловал.

□Вот все четыре брата поседлали своих коней и поехали пущами да рощами; долго ли, коротко ли ехали – стоит перед ними дом в два этажа под золотой крышею. Зашли в этот дом – везде чисто, везде убрано, напитков, наедков вдоволь запасено, а живых людей нет никого; подумали-подумали и положили пока здесь проживать – дни коротать. Утром три брата на охоту поехали, а Ивана-царевича дома оставили за хозяйством смотреть. Он наварил, нажарил к обеду всякой всячины, сел на лавке да трубку покуривает. Вдруг едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета^[2] на семь сажений лита, и просит милостыни. Царенко даёт ему целый хлеб; дед не за хлеб, за него берётся, крючком да в ступу, толк-толк, снял у него со спины полосу до самых плечей, взял повою^[3] натёр да под пол бросил... Вернулись братья с охоты, спрашивают Царенка:

– Никого у тебя не было?

– Я никого не видал; разве вы кого?

– Нет, и мы не видали!

□На другой день дома остался Иван Поваренко, а те на охоту поехали. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку – аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Поваренко даёт ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, повою натёр да под пол бросил... Вернулись братья с охоты и спрашивают:

– Никого у тебя не было?

– Нет, никого! А вы разве видели?

– Нет, и мы не видали!

□На третий день дома остался Белый Полянин. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку – аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Белый Полянин даёт ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, половию натёр да под пол бросил... Приехали братья с охоты:

– Ты никого не видал?

– Нет, никого; а вы?

– И мы тож!

□На четвёртый день остался дома Иван Сученко. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку – аж опять едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Сученко даёт ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу – ступа и разбилась. Иван Сученко ухватил деда за голову, притащил до вербового пня, расколол пень надвое да посадил дедову бороду в расщелину, а сам – в горницу. Вот едут его братья, меж собой разговаривают.

– Что, братцы, вам ничего не случилось? – спрашивает Царенко.

– А у меня так рубаха совсем к телу присохла!

– Ну, и нам досталось! До спины доторкнуться нельзя. Проклятый дед! Верно, он и Сученку содрал.

Приехали домой:

– А что, Сученко Иван, никого у тебя не было?

– Был один нахаба^[4], так я ему по-своему задал!

– Что ж ты ему сделал?

– Пень расколол да бороду всадил.

– Пойдём посмотрим!

Пришли на деда смотреть, а его и след простыл! Как попал он в тиски, начал биться, рваться и таки выворотил весь пень с корнем и унёс с собой на тот свет; а с того света он приходил до своего дома под золотую крышею.

□Братья пошли по его следам, шли-шли – стоит гора: в той горе ляда^[5]; взяли её отворили, привязали до каната камень и опустили в нору; как достали камнем дно, вытянули его назад и привязали до каната Ивана Сученка. Говорит Сученко:

– Через три дня как встряхну канат – сейчас меня вытягайте!

Вот опустили его на тот свет. Он вспомнил про царевен, что́ поктали на тот свет три змия:

– Пойду их шукать^[6]!

□Шёл-шёл – стоит двухэтажный дом; вышла оттуда девка.

– Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?

– А ты что за спрос? Дай-ка мне наперёд воды – глаза промыть, накорми меня, напой, да тогда и спрашивай.

Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела к царевне.

– Здравствуй, прекрасная царевна!

– Здравствуй, добрый молодец! Чего сюда зашёл?

– За тобою; хочу с твоим мужем воевать.

– Ох, не отымешь ты меня! Мой муж дюже сильный, с шестью головами!

– Я и с одною, да буду воевать, как мне бог поможет!

Царевна его за двери спрятала – аж летит змий.

– Фу, русска кость воня!

– Ты, душечка, на Руси летал, русской кости напахал^[7]! – говорит царевна, подаёт ему ужинать, а сама тяжело вздохнула.

– Чего, голубка, так тяжело вздыхаешь?

– Как мне не вздыхать! Четвёртый год за тобою, не видела ни отца, ни матери. Ну что, если бы кто-нибудь из моих родных да сюда пришёл, что б ты ему сделал?

– Что сделал? Пил да гулял бы с ним.

На те речи выходит из-за дверей Иван Сученко.

– А Сученко! Здравствуй; зачем пришёл: биться или мириться?

– Давай биться! Дми^[8] точок^[9]!

Змий дунул – у него стал чугунный точок с серебряными пругами^[10], а Сученко дунул – у него серебряный с золотыми пругами. Ударил он змия раз и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил; царевна дала ему кольцо, он взял и пошёл дальше.

Шёл-шёл – опять двухэтажный дом; вышла ему навстречу девка и спрашивает:

– Чего ты, русский человек, коло нашего двора ходишь?

– А ты что за спрос? Дай наперёд мне воды – глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!

Вот она принесла ему воды, накормила его, напоила и к царевне проводила.

– Чего ты пришёл? – говорит царевна.

– За тобою; хочу с твоим мужем воевать.

– Куда тебе воевать с моим мужем! Мой муж дюже сильный, с девятью головами!

– Я и с одною, да буду с ним воевать, как мне бог поможет!

Царевна спрятала гостя за двери – аж летит змий.

– Фу, как русска кость воня!

– Это ты по Руси летал, русской кости напахал! – говорит царевна, стала подавать ужинать и тяжело вздохнула.

– Чего ты, душечка, вздыхаешь?

– Как мне не вздыхать, когда я ни отца, ни матери не вижу. Что б ты сделал, если бы кто-нибудь из моих родных сюда пришёл?

– Пил да гулял бы с ним.

Иван Сученко выходит из-за дверей.

– А, Сученко! Здравствуй, – говорит змий. – Чего ты пришёл сюда: биться или мириться?

– Станем биться! Дми точок!

Змий дунул – у него стал чугунный точок с серебряными пругами, а Иван Сученко дунул – у него серебряный с золотыми пругами; ударил он змия и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна ему дала кольцо; он взял и пошёл дальше.

Шёл-шёл – опять такой же дом с двумя этажами. Вышла навстречу девка:

– Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?

– Ты прежде воды дай – глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!

Она принесла ему воды, накормила, напоила и к царевне проводила.

- Здравствуй, Иван Сученко! Чего ты пришёл?
- За тобою; хочу тебя у змия отнять.
- Куда тебе отнять! Мой муж дюже сильный, с двенадцатью головами!
- Я и с одною, а его повоюю, коли бог поможет!

Входит в горницу, а там двенадцатиглавый змий дрыхнет^[11]: как змий вздохнёт, так весь потолок ходоном^[12] заходит! А его сорокапудовая булава в кутку^[13] стоит. Иван Сученко свою булаву в куток поставил, а змиеву взял; размахнулся, как ударит змия – пошёл гул по всему двору! С дому крышу сорвало! Убил Иван Сученко двенадцатиглавого змия, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна даёт ему кольцо и говорит:

- Будем со мною жить!

А он зовёт её с собою.

- Как же я своё богатство брошу?

Взяла всё своё богатство, в золотое яйцо своротила и отдала Ивану Сученку; он положил то яйцо в карман и вместе с нею пошёл назад до её сестёр. Подстаршая царевна своротила своё богатство в серебряное яйцо, а самая меньшая – в медное, и ему ж отдали.

□Приходят они вчетвером до норы; Иван Сученко привязал меньшую царевну и встряхнул канат.

- Как тебя, – говорит, – вытянут наверх, то покличь: Царенко! Он отзовётся: га! А ты скажи: я твоя!

После привязал другую царевну и опять встряхнул канат, чтоб наверх тянули:

- Как тебя вытянут, то покличь: Поваренко! Он отзовётся: га! А ты скажи: я твоя!

Стал третью царевну до каната привязывать и говорит ей:

– Как тебя вытянут, ты молчи – моя будешь!

Вытянули эту царевну, она молчит; вот Белый Полянин рассердился и, как стали тянуть Ивана Сученко, взял да и перерезал канат.

□Сученко упал, приподнялся и пошёл до старого деда. Дед его пытается:

– Чего ты пришёл?

– Биться!

Начали воевать; бились-бились, устали и бросились до воды. Дед ошибся, дал Сученку сильной воды напиться, а сам простой выпил. Стал Иван Сученко осиливать; дед ему и говорит:

– Не добивай меня! Возьми себе в погребе кремь, кресало да трёх сортов шерсть – в беде пригодится.

Иван Сученко взял кремь, кресало и трёх сортов шерсть; вырубил огонь и припалил серую шерсть – бежит до него серый конь, из-под копыт шматья^[14] летят, изо рта пар пышет, из ушей дым столбом.

– Много ль нужно времени, пока ты меня на тот свет вынесешь?

– А столько, сколько нужно людям, чтоб обед наварить!

Сученко припалил вороную шерсть – бежит вороной конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит.

– Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?

– Люди пообедать не успеют!

Припалил рыжую шерсть – бежит рыжий конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит.

– Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?

– Плюнуть не успеешь!

Сел на того коня и очутился на своей земле.

□Приходит до золотаря.

– Я, – говорит, – буду твоим помощником!

Меньшая царевна приказывает золотарю:

– Сделай мне к свадьбе золотой перстень!

Он взялся за ту работу, а Иван Сученко говорит:

– Постой, я тебе перстень сделаю, а ты мне мешок орехов дай.

Золотарь принёс ему мешок орехов; Иван Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино колечко, вычистил и отдал хозяину. Царевна приходит в субботу за кольцом; глянула:

– Ах, какое прекрасное колечко! Я такое отдала Ивану Сученку, да его нет на этом свете!

И просит золотаря к себе на свадьбу. На другой день золотарь пошёл на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил серую шерсть – бежит до него серый конь.

– Чего ты меня требуешь?

– Надо на весильном^[15] доме трубу сорвать!

– Садись на меня, заглянь в левое ухо, выглянь в правое!

Он заглянул в левое ухо, а в правое выглянул – и стал такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Поскакал и снял трубу с дома; тут все закричали, перепугались, свадьба разъехалась.

□Другая царевна принесла золото, просит кольцо сделать. Иван Сученко говорит золотарю:

– Дай мне два мешка орехов, я тебе кольцо сделаю.

– Ну что ж? Сделай.

Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. Царевна увидела кольцо:

– Ах, какое славное! Я точно такое отдала Ивану Сученку, да его теперь нет на этом свете!

Взяла кольцо и зовёт золотаря на свадьбу. Тот пошёл на свадьбу, а Иван Сученко припалил вороную шерсть – бежит вороной конь.

– Чего ты от меня требуешь?

– Надо сорвать с весильного дома крышу.

– Сядь на меня; в левое ухо заглянь, в правое выглянь!

Он заглянул в левое ухо, выглянул в правое – стал молодец молодцом! Конь понёс его так шибко, что сорвал с дома крышу; все закричали, принялись стрелять в коня, только не попали; свадьба опять разъехалась.

□Вот и старшая царевна просит, чтобы ей колечко сделали.

– Не хотела я, – говорит, – за Белого Полянина замуж идти, да, видно, бог так судил!

Иван Сученко говорит золотарю:

– Дай мне три мешка орехов, я тебе кольцо сделаю.

Опять орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. В субботу приходит царевна за кольцом, глянула:

– Ах, какое славное колечко! Боже мой! Где ты достал этот перстень? Я точно такой отдала тому, кого любила.

И просит золотаря:

– Приходи завтра на свадьбу ко мне!

□На другой день золотарь пошёл на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил рыжую шерстину – бежит рыжий конь.

– Чего ты от меня требуешь?

– Неси меня как хочешь, только бы нам вперёд ехать – потолок на весильном доме сорвать, а назад ехать – Белого Полянина за чуб взять!

– Сядь на меня, в левое ухо заглянь, в правое выглянь!

Понёс его рыжий конь шибко-шибко. Туда едучи – Сученко потолок с дома снял, а назад едучи – ухватил Белого Полянина за чуб, поднялся высоко вверх и бросил его наземь: Белый Полянин на кусочки разбился. А Иван Сученко опустился вниз, обнялся, поцеловался с своею невестою; Иван-царевич и Поваренко ему обрадовались; все они обвенчались на прекрасных царевнах и стали жить вместе богато и счастливо.

[1] – Стряпуха.

[2] – Ковета – помост в избах, заменяющий кровати.

[3] – Мякина (Ред.).

[4] – Наглый, неприятный гость.

[5] – Поперечная дверь.

[6] – Искать.

[7] – Т. е. русского духу набрался; пахну́ть – веять и за́пах сравни со словами: дунуть и дух.

[8] – Дми – дуй, выдувай (Ред.).

[9] – Ток, видное место.

[10] – Ободок (Ред.).

[11] – Спит.

[12] – Ходенем, ходуном.

[13] – В углу.

[14] – Большие куски грязи, земли.

[15] – Свадебном.

 Загрузка...